

Кристер Сайрсингх

Повествовательная школа толкования Священного Писания

Эта статья является кратким рассказом о подходе к Писанию, предлагаемом в настоящее время теми, кто отвергает историко-критический подход к Писанию, популяризованный Бультманом и его последователями.

1. До возникновения критического подхода к Библии, текст Писания уподоблялся оконному стеклу, через которое можно увидеть нечто, скрытое от тех, кто не имел возможности посмотреть в окно. По выражению современного писателя Тревора Харта, окно Писания давало доступ к историческому и богословскому пейзажу, открывающему для нас замыслы Божьи. Писание воспринималось как Слово Божье, обращенное ко всем людям, а его смысл — как находящийся в пределах разумения каждого. Реформация уделяла особое внимание буквальному смыслу Писания, отдавая ему предпочтение перед аллегорическим смыслом, который преобладал в Церкви предыдущих веков. Богословский пейзаж, наблюдаемый через оконное стекло, являлся изображением реальных событий, достоверным историческим отчетом о драматическом взаимодействии Бога с Израилем и Церковью.

2. Начиная с середины 18 века, с развитием исторического сознания, ученые стали применять к Писанию те же приемы литературного и исторического анализа, которые использовались применительно к другим древним текстам. Результатом этого стало «разделение на волокна» и фрагментация единого богословского повествования, представленного в Писании. Тексты, содержащие исторический материал, были отнесены к категории мифов. Ветхозаветные тексты, ранее воспринимавшиеся христологически, теперь толковались в рамках соответствующего им исторического и культурного контекста безотносительно к их христологическому значению. Считалось, что нет необходимости заглядывать за рамки исторической и политической жизни Израиля. Интересно, что, по мнению Джона Генри Ньюмена, можно проследить прямую линию, ведущую от Лютера к Дэйвиду Фредерику Штраусу, агностик, применявшему историко-критический подход к Писанию. Ньюмен считал, что у Штрауса опора исключительно на буквальный смысл Писания достигла апогея.

Применение историко-критического метода к Евангелиям означало, что текст Писания более не воспринимался как окно, через которое можно ясно увидеть пейзаж, являющий нам Божьи дела в мире. Авторы Писания перестали рассматриваться как очевидцы, достоверно рассказывающие о том, чему они были свидетелями; вместо этого, в них стали видеть тщательных редакторов, которые использовали существовавшие источники и предания, чтобы изложить историю Христа, соответствующую их собственным богословским целям. С тех пор многие исследователи Нового Завета видели свою задачу в том, чтобы показать, каким образом развивались эти источники и предания до написания библейских книг.

Я не думаю, что христианину следует бояться самой процедуры историко-критического метода. Скорее, нас должно беспокоить то, каким образом применяется этот метод. По словам Тревора Харта, историко-критический подход «оторвал» друг от друга три уровня значения, которые ранее воспринимались читателями как одно целое. Эти уровни таковы: а) прямой, или буквальный, смысл, б) соотношение текста с реальными историческими событиями, в) первоначальный смысл, который вкладывал в текст автор или

редактор. Когда разрыв смыслов совершился, была утрачена возможность задавать вопрос о значении текста и о его функционировании в качестве авторитетного Писания, в том смысле, в котором он был авторитетом на протяжении предшествующих веков. Каким же образом после всего этого текст мог продолжать служить твердым и достойным доверия основанием Церкви? Такой вопрос поставил перед нами историко-критический метод.

Одним из многих ответов на этот вопрос служит повествовательная школа толкования. В настоящее время это одна из самых влиятельных школ толкования библейского текста, являющаяся альтернативой историко-критической школе. Самая влиятельная работа этой школы — книга «Затмение библейского повествования» Ганса Фрая (*Фрай — еврей, вместе с семьей бежавший из нацистской Германии в США. В Германии семья номинально обратилась в христианство, но это не спасло их от преследований. Фрай говорил мне, что семья была им очень недовольна, поскольку с ним обращение произошло по-настоящему.*)

Фрай утверждает, что сторонники историко-критического подхода совершили большую ошибку. Отделив буквальный смысл Писания от его соотношения с историческими событиями, они пошли дальше и приравнили **значение** Писания к его историческому смыслу. Фрай же призывает нас увидеть, что значение Писания неотделимо от фабулы всего повествования, которое Писание доносит до нас, и от той особой формы, которая присуща этому повествованию. Большая часть Писания имеет форму реалистического повествования. Фрай говорит, что этот способ изложения подобен тому, который используется историками, но такое повествование не передает реальные факты с абсолютной точностью. Цель реалистического повествования не в том, чтобы перевести наше внимание от самого рассказа к какой-то более глубокой действительности, стоящей за или лежащей под библейскими повествованиями. Библия предлагает нам мир своего повествования, в который мы можем войти и где мы можем пребывать. Когда мы обнаруживаем это, нам больше не нужно искать смысл в чем-то более глубоком, лежащем под структурой текста, в какой-то отдельной предметной плоскости или даже в намерении автора, или вообще где-то «за сценой». Заниматься чем-либо подобным — значит тратить силы попусту, разрывая красиво и тщательно сотканный гобелен. Если мы распустим по нитям этот прекрасный гобелен с помощью историко-критического подхода в поисках смысла в чем-нибудь, отличном от самого гобелена, фабула исчезает в куче ярких нитей, набросанных на полу.

По мнению Фрая, Библия в ее буквальном и прямом смысле представляет собой именно такой гобелен; историю, в которой присутствует общая последовательность и внутреннее единство. Она приглашает читателя в мир реалистического повествования. Это мир, в котором Бог принимает активное участие, в котором Он предпринял решительные действия для спасения грешного человеческого рода, став человеком и претерпев смерть на кресте, в котором Он излил Духа Своего на всякую плоть с искупительной и освящающей силой; мир, который теперь ожидает и желает окончательного откровения Божьей славы в пришествии Его Сына.

То, что стоит за текстом, больше не является главным. Вместо этого нам следует обратиться к тому, что лежит на поверхности, чтобы найти значение текста — повествовательный мир, подобный миру истории, который предстает перед нами. Этот мир приглашает нас увидеть себя в качестве действующих лиц, участников следующей главы этой повести.